

Научная статья

Научная специальность

5.1.3 «Частноправовые (цивилистические) науки»

УДК 341.9.01

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2024.3.33>

РАСШИРЕНИЕ СФЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ АВТОНОМИИ ВОЛИ СТОРОН В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

© Москвитин Ю. М., 2024

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия

Представлено исследование тенденции к расширению сферы применения автономии воли сторон в международном частном праве на примере рассмотрения особенностей регулирования семейных и наследственных отношений, осложненных иностранным элементом. Акцент сделан на исследование норм права Российской Федерации и права Европейского союза, однако не ограничивается указанными комплексами норм. Проведен анализ автономии воли сторон на теоретическом уровне: дано определение понятию, кратко рассмотрена критика применения данной правовой конструкции. Исследованы особенности функционирования автономии воли при регулировании семейных и наследственных отношений с указанием пределов действия норм о выборе права. Сделан вывод о том, что автономия воли сторон в международном частном праве стремится к расширению предметной сферы действия, однако специфика регулируемых ей отношений обуславливает существующие в настоящий момент ограничения применения данной правовой конструкции.

Ключевые слова: международное частное право, автономия воли сторон, иностранный элемент, теоретический анализ, современные тенденции в международном частном праве.

EXPANDING THE SCOPE OF APPLICATION OF PARTY AUTONOMY IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

© Moskvitin Yu. M., 2024

Peoples' friendship university of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

The research of the trend of expanding the scope of application of the party autonomy in private international law is presented using the example of considering the features of the regulation of family and inheritance relations, complicated by a foreign element. The emphasis is on the study of the norms of law of the Russian Federation and the law of the European Union, but is not limited to these sets of norms. An analysis of the party autonomy is conducted at a theoretical level: a definition of the concept is given, a criticism of the application of this legal structure is briefly considered. The features of the functioning of the party autonomy in regulating family and inheritance relations are studied, indicating the limits of the rules on the choice of law. It is concluded that the party autonomy in private international law tends to expand the substantive scope of action, however, the specificity of the relations regulated by it determines the current limitations on the application of this legal structure.

Keywords: private international law, party autonomy, foreign element, theoretical analysis, modern trends in private international law.

Введение

В эпоху глобализации, продолжающуюся в настоящее время, значительно увеличивается количество международных транзакций, а следовательно, существенно возрастает значение международного гражданского оборота, и, в свою очередь, повышается роль международного частного права как регулятора частных отношений, осложненных иностранным элементом. Трансграничный характер приобретают различные группы отношений, от контрактных

и деликтных до семейных и наследственных. В таких условиях, учитывая возможность неопределенности правового статуса субъектов, а также потенциальный конфликт юрисдикций, претендующих на регулирование одних и тех же отношений, участники гражданского оборота становятся заинтересованы в том, чтобы самим определять применимое к конкретным отношениям право в целях предупредить возможные проблемы, например упредить необходимость решать коллизионный вопрос в слу-

чае, если спор дойдет до суда. В таких условиях автономия воли становится одной из ведущих правовых категорий в современном праве, оказывающей влияние на международное частное право в целом [1, с. 130–131]. Целью настоящего исследования является рассмотрение особенности эволюции автономии воли сторон на современном этапе. Для достижения поставленной цели представляется необходимым рассмотреть особенности применения рассматриваемой правовой конструкции в области семейных и наследственных отношений, осложненных иностранным элементом. В качестве предмета исследования выступает тенденция расширения сферы применения начала автономии воли в международном частном праве.

Автономия воли имеет происхождение в международном контрактном праве, однако в настоящее время ее предметная сфера не ограничивается данной областью: нормы о выборе права сторонами проникли даже в столь косные подотрасли международного частного права, как международное вещное право [6]. Так, например, законодательство Китая предусматривает возможность выбора права применительно к определению вещного статуса движимых вещей и товаров в пути¹. Ряд исследователей, например С. В. Николукин, придерживаются позиции, что даже в настоящее время автономия воли сторон является прерогативой контрактных отношений, осложненных иностранным элементом [8, с. 33]. Данная точка зрения представляется неактуальной в условиях современных тенденций развития международного частного права. В настоящее время можно наблюдать все возрастающее влияние автономии воли сторон в регулировании иных групп отношений, например в области деликтного права [5, с. 62].

Обозначенная тенденция прослеживается в сфере брачно-семейных и наследственных отношений, осложненных иностранным элементом [10]. Наиболее ярким индикатором заявленной тенденции в современном праве является европейское законодательство, которое предусматривает применение автономии воли для ряда случаев в упомянутых группах отношений. Так, норма ст. 5 Регламента (ЕС) № 1259/2010 от 20

декабря 2010 г.² (далее – Регламент Рим III) позволяет супругам выбрать право, применимое к регулированию их развода, по взаимному согласию в рамках предложенных в Регламенте вариантов. В сфере наследственных отношений внимания заслуживает ст. 22 Регламента (ЕС) № 650/2012 от 4 июля 2012 г.³ (далее – Регламент Рим IV), которая позволяет лицу определить право, применимое к отношениям по наследованию его имущества в целом. Таким образом, представляется возможным проследить влияние автономии воли сторон, в том числе в отдельных от контрактных отношениях.

Методы

Для достижения поставленной цели использовались различные методологии и методы. В первую очередь имело место применение феноменологической, формально-логической и герменевтической методологий. Изучение природы автономии воли было бы немыслимо без использования феноменологической методологии, позволяющей познать суть предмета исследования. Анализ законодательства, судебной практики и доктрины обусловил необходимость применения формально-логической методологии. Представлялось разумным проводить исследование упомянутых юридических текстов с использованием герменевтической методологии. Отдельно следует отметить, что анализ источников международного частного права обуславливает необходимость широкого применения сравнительно-правового метода. Имело место применение ряда общенаучных методов: анализа, синтеза, обобщения, дедукции, индукции и других.

Результаты исследования

Представляется необходимым начать с определения понятия автономии воли. Российские ученые, в большинстве случаев, определяют автономию воли как возможность субъектов международного частного права самостоятельно определить применимое к их отношениям право [3, с. 86; 4, с. 107; 9, с. 227, 228]. Схожее опреде-

¹ Закон Китайской Народной Республики о применении права к транснациональным гражданско-правовым отношениям от 28 окт. 2010 г. // Проектная группа «Современная конструкция международного частного права» URL: <https://pravo.hse.ru/data/2015/1/16/1081085258/%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%202010.pdf> (дата обращения: 04.03.2024).

² Council Regulation (EU) No 1259/2010 of 20 December 2010 implementing enhanced cooperation in the area of the law applicable to divorce and legal separation // EUR-lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A32010R1259> (дата обращения: 18.06.2024).

³ Regulation (EU) No 650/2012 of The European Parliament and of The Council of 4 July 2012 on jurisdiction, applicable law, recognition and enforcement of decisions and acceptance and enforcement of authentic instruments in matters of succession and on the creation of a European Certificate of Succession // EUR-lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2012/650/oj> (дата обращения: 18.06.2024).

ление приводят и иностранные исследователи. Так, например, Ф. Джонс определяет автономию воли сторон в международном контрактном праве как право сторон выбирать право, в соответствии с которым будут толковаться условия их договора, и юрисдикцию, в которой в соответствии с этими условиями в случае спора договор может быть приведен в исполнение [14, р. 250]. Представляется, что приведенное определение содержит выражение наиболее значимого аспекта автономии воли сторон: возможности сторон выбирать право, которое будет регулировать их отношения. Рассмотренные трактовки выражают сущностную составляющую рассматриваемой правовой категории: применимое право определяется не в силу какого-либо жесткого коллизионного начала или объективного критерия, но на основании наиболее гибкого и субъективного критерия – волеизъявления сторон. Именно в этом и заключается сущность автономии воли – регулирующее отношения право определяется не законодателем, а непосредственными участниками отношений, т. е. частными субъектами частных отношений, осложненных иностранным элементом. Отдельно представляется необходимым сказать, что в контексте настоящей работы автономия воли сторон понимается широко и предметно не ограничена контрактными отношениями, осложненными иностранным элементом. Настоящее исследование направлено в первую очередь на то, чтобы проследить влияние автономии воли на регулирование брачно-семейных и наследственных отношений, в особенности принимая во внимание то, что данный правовой феномен является одним из востребованных предметов исследования зарубежными учеными [15–17].

Представляется необходимым также рассмотреть вопрос причины необходимости применения автономии воли сторон в международном частном праве. Так, в американской юридической науке существует точка зрения, согласно которой автономию воли сторон необходимо отвергнуть на основании того, что она создает по сути своей законодательный орган из любых двух человек, решивших собраться вместе и заключить договор либо вступить в иные правоотношения [13, р. 3]. Смысл этого предложения заключается в том, что поскольку стороны могут по своему усмотрению указать любое иностранное право как регулирующее их отношения, то они по своему желанию могут освободиться от силы закона, который в отсутствие выбора права применялся бы к данным отношениям. Кро-

ме того, в праве США существовала доктрина презумпции против экстерриториальности. Она представляла собой теорию, основанную на толковании закона и призванную служить руководством для судов при определении географического охвата федерального законодательства. В одном из решений Верховный суд США резюмировал эту доктрину следующим образом: законодательство Конгресса, если не возникает иного намерения, должно применяться только в пределах территориальной юрисдикции Соединенных Штатов [12, р. 384]. Он применялся в делах начала XIX в., хотя и не всегда последовательно – например, Верховный суд США применял его во многих, но не во всех своих решениях в области законодательной юрисдикции. Со временем от данной теории отказались в силу отхода от позиций строгого территориализма в праве в целом. Рассмотренные подходы представляются архаизмом в силу своей негибкости и неадаптированности к экономическим условиям современного общества, в котором существенное влияние имеют тенденции глобализации и региональной интеграции. Вместо полного запрета представляется возможным сохранить сторонам возможность выбора права, задав при этом определенные рамки, с целью обеспечить соблюдение определенных наиболее важных норм для того или иного правопорядка, с которым отношения связаны.

Рассмотрев теоретические основы автономии воли сторон, необходимо провести исследование возможности применения автономии воли в неконтрактных отношениях. Особый интерес здесь представляют брачно-семейные и наследственные отношения, осложненные иностранным элементом, поскольку в них в большей мере проявляется личный аспект, чем деловой. Тем не менее автономия воли сторон в настоящее время распространяет свое влияние в том числе и на эти отношения. В качестве отправной точки представляется возможным избрать ряд положений российского права, касающихся регулирования брачно-семейных отношений. Во многих системах права содержится норма, позволяющая сторонам брачного договора или соглашения об уплате алиментов выбрать применимое к данным отношениям право. Российское право здесь не является исключением: так, ст. 161 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) гласит, что при заключении брачного договора или соглашения об уплате алиментов друг другу супруги, не имеющие общего гражданства или совместного места жительства, могут избрать законодательство,

подлежащее применению для определения их прав и обязанностей по брачному договору или по соглашению об уплате алиментов¹.

В отечественной доктрине приведенная норма имеет неоднозначную оценку. Так, Н. В. Тригубович провозглашает данное положение закона как предоставляющее сторонам соглашения чрезмерную свободу выбора и предлагает дозволить избирать только порядок, который тесно связан с заключенным соглашением, например закон гражданства или закон совместного места жительства [10, с. 147–151]. В свою очередь, Е. П. Войтович, развивая вышеизложенную концепцию, фокусируется на необходимости определения критериев наличия тесной связи между избранным правом и сторонами соглашения [2, с. 75]. Безусловно, подобные критерии помогли бы сделать рассматриваемую норму более предсказуемой и достичь правовой определенности, однако в таком случае в угоду коллизионной справедливости может быть уязвлена справедливость материальная. Указанный подход представляется чрезмерно радикальным и прогосударственным, необоснованным ограничением возможности выбора сторонами применимого права. Так, мыслимы случаи, когда избранное в соглашении об уплате алиментов право может быть более благоприятно для обеспечения интересов ребенка, чем порядок, имеющие тесную связь с данным соглашением. В такой ситуации, исходя из заявленной в ст. 7 Конституции поддержки материнства, отцовства и детства, ограничение свободы выбора может быть уместным только в случае, если выбранное сторонами право ухудшает положение ребенка. То есть ограничение свободы выбора применимого права, согласно ст. 161 СК РФ, представляется крайне неоднозначным, а действующая редакция мыслится неким компромиссным вариантом, который тем не менее нуждается в совершенствовании.

Перейдем к рассмотрению вопросов автономии воли в наследственных отношениях, осложненных иностранным элементом. В доктрине существует точка зрения, которой придерживается, например, О. Ю. Малкин, что свобода завещания является максимально широкой правовой категорией и охватывает в том числе и право завещателя распорядиться своим имуществом на случай смерти не только прямо, назначив наследников, но и косвенно, избрав применимое к наследованию его имущества право [7,

¹ Семейный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 1995 г. №223-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

с. 27]. То есть имеет место концептуальная производность автономии воли сторон от свободы завещания. Приведенная позиция представляется неоднозначной, как минимум, поскольку свободу завещания традиционно принято рассматривать как проявление автономии в области материального права, а не коллизионного, в особенности учитывая ее композиционное расположение в числе норм, регулирующих наследственные отношения. Тем не менее широкая трактовка данной нормы представляется также возможной, поскольку свобода завещания есть норма-принцип, которая не имеет явных ограничений только внутренним правом, а нормы международного частного права могут имплицитно содержаться в тексте иных норм. То есть необходимо согласиться с точкой зрения О. Ю. Малкина. Однако следует учесть, что данный вывод не будет в полной мере справедлив в отношении конкретного порядка в отсутствие соответствующих норм, закрепленных в национальном законодательстве.

При рассмотрении вопроса автономии воли сторон и свободы завещания требуется учесть ряд нюансов, заключающихся в материально-правовых нормах, закрепленных в конкретных системах права. Так, рассмотрение, например, норм ст. 1119 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)², ст. 912, 967 Гражданского кодекса Французской республики 1804 г.³ позволяет констатировать, что свобода завещания не является абсолютной и имеет ограничения – нормы об обязательной доле в наследстве. Учитывая важность данных норм и возможность их отнесения к позитивному выражению публичного порядка, представляется, что в сфере наследственных отношений, осложненных иностранным элементом, автономия воли неизбежно будет определенным образом ограничена. Кроме того, применительно именно к российскому праву важно учитывать п. 6 ст. 1210 ГК РФ, распространяющий действие на случаи, когда законом предусмотрена возможность выбора права. Следовательно, в отсутствие возможности выбора права, регулирующего наследственные отношения, закрепленной в законе (ст. 1224 ГК РФ), об автономии воли в наследственном праве

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) : федер. закон от 26 нояб. 2001 г. № 146-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

³ Гражданский кодекс Французской республики 1804 г. // Légifrance – Le service public de la diffusion du droit. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_1c/LEGITEXT000006070721/LEGISCTA000006136338/#LEGISCTA000006136338 (дата обращения: 01.03.2024).

не представляется возможным говорить. Однако необходимо отметить, что концептуальные препятствия включения в текст ст. 1224 ГК РФ нормы о возможности выбора права отсутствуют.

Далее представляется необходимым более подробно рассмотреть особенности функционирования автономии воли при регулировании семейных и наследственных отношений в иных правопорядках. В особенности в данном аспекте преуспело право Европейского союза (далее – ЕС). В докладе Европейского института права за 2019 г. содержится разбор каждого акта, содержащего возможность сторон сделать выбор права в области семейных и наследственных отношений¹. Авторы доклада делают вывод, что недавно принятое законодательство ЕС предприняло важные шаги в направлении содействия автономии воли сторон в вопросах семейного права [11, р. 14].

Представляется необходимым остановиться на базовых законодательных актах, регулирующих статус автономии воли в области брачно-семейных и наследственных отношений. Так, в ст. 5 Регламента Рим III содержится норма, согласно которой супруги могут договориться о выборе закона, применимого к разводу и разлучению супругов. В ст. 22 Регламента Рим IV также содержится предписание о возможности потенциального наследодателя выбрать право, которым будут урегулированы отношения по наследованию его имущества. Тем не менее свобода выбора сторон определенным образом ограничена.

Ограничения в области брачно-семейных отношений, согласно Регламенту Рим III, представляют собой пул из четырех правопорядков, которыми разрешается урегулировать отношения, связанные с разводом и разлучением супругов: право государства, в котором супруги обычно проживают на момент заключения соглашения; право государства, в котором супруги в последний раз постоянно проживали, при условии, что один из них все еще проживает там на момент заключения соглашения; право государства гражданства любого из супругов на момент заключения соглашения и право страны суда. В случае же с наследственными отношениями Регламент Рим IV предусматривает, что лицо может выбрать в качестве права, регулирующего в целом отношения по наследованию его имущества, право государства, гражданством которого потенциальный наследодатель обладает на момент выбора права или на момент смерти. В

¹ Наследственные отношения не выделяются авторами доклада как отдельная группа, но они рассматриваются в рамках семейных.

случае множественности гражданств предусмотрена возможность выбора права любого из государств, гражданством которого лицо обладает на момент выбора права или на момент смерти.

Для объяснения столь ограниченной свободы выбора представляется необходимым обратиться к сущности рассматриваемых подотраслей права и регулируемых отношений. Необходимо согласиться с С. Пеари, отмечающим, на основании анализа философско-правовых концепций Ф. Савиньи, что семейное право основано на сильном внешнем моральном элементе, присущем конкретному сообществу, однако использование автономии воли в качестве одного из начал, регулирующих брачно-семейные отношения, представляется пересмотром в корне теории мэтра немецкой юриспруденции [18, р. 604]. Очевидно, что в рамках этих отношений представляется возможным гораздо меньший выбор права, главным образом в силу сущности данных отношений.

Исследователи, занимающиеся изучением права ЕС, отмечают, что автономия воли сторон в рамках брачно-семейных отношений имеет не такое большое значение, как можно представить, исключительно руководствуясь декларативными нормами [15, р. 153]. А. Лиманте и Н. П. Вогринч, рассматривая вопрос имущественных отношений супругов, делают вывод, что автономия воли сторон в данной области де-факто сильно ограничена, поскольку рассмотрение дел об имуществе супругов может быть подсудно только тем судам, которые обладают юрисдикцией в отношении развода, разлучения супругов или признания брака недействительным, а в случае смерти – суду, рассматривающему вопросы о наследовании имущества умершего супруга [15, р. 153, 154]. Применительно к рассмотрению практических аспектов это представляется оптимальным решением, прежде всего потому, что предотвращает противоречивые судебные решения. С другой стороны, представляется возможным усмотреть публичный интерес правопорядков к регулированию частных отношений, которые не являются коммерческими, именно потому, что на основе урегулирования таких отношений и формируется в рамках конкретного государства имущественная база для в том числе внешнеэкономической деятельности.

При рассмотрении вопросов автономии воли сторон в рамках брачно-семейных и наследственных отношений, осложненных иностранным элементом, необходимо констатировать ограниченность выбора права правопорядками,

с которыми у отношений есть непосредственная связь. К такому выводу приходит Ч. Надь, утверждающий, что стороны семейных и наследственных отношений, в отличие от договорных отношений, могут выбирать только право страны, с которой отношения имеют разумную связь: правовые последствия не всех законов признаются, а только те, которые связаны с отношениями посредством коллизионной привязки, считающейся действительной в соответствии с коллизионным правом страны суда [17, р. 586]. На деле же следует признать, что имеющаяся возможность выбора сторонами права, которое бы урегулировало их отношения, основана именно на наличии некой реальной связи отношений с доступным для выбора правом порядком.

Тем не менее совсем исключить автономию воли из области брачно-семейных отношений, осложненных иностранным элементом, представляется невозможным. Как было отмечено выше, автономия воли сторон представляет собой один из возможных инструментов для гармонизации международного частного права. В области семейных отношений это может помочь решить в первую очередь проблему так называемого брачного туризма – ситуации, когда стороны заключают брак в стране, с которой не имеют никаких правовых связей. П. Вотле указывает, что данная проблема была характерна для различных правовых порядков: в не столь отдаленном прошлом некоторые пары отправлялись в Шотландию, чтобы пожениться, или в Неваду, чтобы получить развод, в случае если одного или другого было проблематично добиться в их изначальной юрисдикции [19, р. 3, 4]. Такая возможность сторон не получает никаких препятствий со стороны национальных законодательств, поэтому представляется некоторым косвенным выражением автономии воли сторон. Необходимо согласиться с П. Вотле, что это не имеет прямого отношения к вопросу автономии воли сторон, поскольку имеет место искусственное создание привязки к конкретному правопорядку, однако в долгосрочной перспективе представляется возможным определить общую теорию и правовую основу автономии сторон в трансграничных семейных отношениях¹ для решения отдельных проблем семейного права [19, р. 15]. Таким образом, нельзя полностью исключить автономию воли сторон из наследственных и брачно-семейных отношений, осложненных иностранным элементом, как минимум потому,

¹ П. Вотле не выделяет в отдельную группу наследственные отношения, но рассматривает их вместе с семейными.

что у сторон все еще остается возможность искусственно создать привязку к интересующему их правопорядку.

Обсуждения и заключение

В результате проведенного исследования представляется возможным констатировать следующее.

Во-первых, автономия воли представляет собой возможность сторон определить право, которое будет регулировать их отношения. Отказ от автономии воли сторон имел место в истории права, однако в настоящее время от него отошли, а рассматриваемая категория получает все большее и большее наполнение.

Во-вторых, автономия воли сторон применяется также в регулировании брачно-семейных и наследственных отношений, осложненных иностранным элементом. В особенности далеко в данной области продвинулось право ЕС, которое в основополагающих законодательных актах закрепило возможность выбора права сторонами в рамках указанных групп вопросов. Согласно нормам европейского права, стороны могут определить право, применимое к разводу, разлучению супругов, режиму имущества супругов, наследованию имущества и т. д.

В-третьих, роль автономии воли сторон в регулировании брачно-семейных и наследственных отношений, осложненных иностранным элементом, сильно ограничена в силу ряда причин. Тем не менее полностью исключить влияние данной категории из указанных областей международного частного права не представляется возможным, поскольку актуальная тенденция развития права и законодатели потворствуют росту влияния автономии воли сторон на изначально не урегулированные с ее помощью группы отношений. ■

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базедов Ю. Автономия воли в регулировании международных отношений. К Общему курсу международного частного права. М. : Норма : Инфра-М, 2019. 136 с.
2. Войтович Е. П. Автономия воли в регулировании имущественных отношений супругов, осложненных иностранным элементом, в Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 72–81.
3. Ерпылева Н. Ю. Международное частное право : учебник для вузов. 2-е изд. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 384 с.
4. Канашевский В. А. Международное частное право : учебник. 4-е изд. перераб. и доп. М. : Междунар. отношения, 2019. 1064 с.
5. Куташевская Я. С. Историческое развитие принципа автономии воли при определении права, применимого к внедоговорным обязательствам // Вестник Московского университета. Серия: Право. 2022. № 1. С. 46–65.

6. Любарская Т. С. Автономия воли при определении вещного статута в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 214 с.

7. Малкин О. Ю. Автономия воли в коллизионном регулировании наследственных отношений // Гражданское право. 2006. № 4. С. 27–29.

8. Николюкин С. В. Автономия воли сторон и особенности права применимого к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом // Нотариус. 2008. № 6. С. 33–37.

9. Рубанов А. А. «Автономия воли» в международном частном праве как теоретическая проблема // Советский ежегодник международного права, 1986. М. : Наука, 1987. С. 214–228.

10. Тригубович Н. В. Автономия воли в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 161 с.

11. Boele-Woelki K., Schrama W., Wendehorst Ch. Empowering European Families: Towards more party autonomy in European Family and Secession Law. 2019. 23 p. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4322610>

12. Buxbaum H. L. Determining the Territorial Scope of State Law in Interstate and International Conflicts: Comments on the Draft Restatement (Third) and on the Role of Party Autonomy // *Duke J. Comp. & Int'l L.* 2016. Vol. 27. P. 381–403.

13. Dane P. Party Autonomy and the Challenge of Choice of Law. *Philosophical Foundations of Conflict of Laws* / eds. R. Banu, M. Green, R. Michaels. Oxford University Press, 2022. 21 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=4203960> (дата обращения: 22.08.2024).

14. Johns F. Performing party autonomy // *Law and contemporary problems*. 2008. Vol. 71, N 3. P. 243–271.

15. Limantè A., Vogrinc N.P. Party Autonomy in the Context of Jurisdictional and Choice of Law Rules of Matrimonial Property Regulation // *Baltic Journal of Law & Politics*. 2020. Vol. 13, N 2. P. 135–158.

16. Mills A. Conceptualising Party Autonomy in Private International Law // *Revue critique de droit international privé*. 2019. Vol. 19, N 2. P. 417–426.

17. Nagy C. I. What functions may party autonomy have in international family and succession law? An EU perspective // *Nederlands Internationaal Privaatrecht*. 2012. Vol. 30, N 4. P. 576–586.

18. Peari S. Choice-of-Law in Family Law: Kant, Savigny and the Parties' Autonomy Principle // *Nederlands Internationaal Privaatrecht*. 2012. Vol. 30, N 4. P. 597–604.

19. Wautelet P. Party Autonomy in International Family Relationships: A Research Agenda. 2015. 16 p. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2589980>

REFERENCES

1. Basedow J. *Avtonomiya voli v regulirovanii mezhdunarodnyh otnoshenij. K Obshchemu kursu mezhdunarodnogo chastnogo prava* [Party autonomy in the regulation of international relations. To the General Course of International Private Law]. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2019, 136 p. (in Russian)

2. Vojtovich E.P. *Avtonomiya voli v regulirovanii imushchestvennyh otnoshenij suprugov, oslozhnennyh inostrannym elementom, v Rossijskoj Federacii* [Party autonomy in regulation of spousal property relationships with a foreign element complication in the Russian federation]. *ZHurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2019, no. 2, pp. 72–81. (in Russian)

3. Erpyleva N.YU. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [Private international law]. Textbook for universities. 2nd ed. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2015, 384 p. (in Russian)

4. Kanashevskij V.A. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [Private international law]. Textbook. 4th ed., revised and expanded. Moscow. *Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.*, 2019, 1064 p. (in Russian)

5. Kutashevskaya YA.S. *Istoricheskoe razvitiye principa avtonomii voli pri opredelenii prava, primenimogo k vnedogovornym obyazatelstvam* [Historical development of the principle of party autonomy in determining the law applicable to non-contractual obligations]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya Pravo* [Bulletin of Moscow University. Law Series], 2022, no. 1, pp. 46–65. (in Russian)

6. Lyubarskaya T.S. *Avtonomiya voli pri opredelenii veshchnogo statuta v mezhdunarodnom chastnom prave* [Party autonomy in the application of property law in private international law]. Cand. sci. diss. Moscow, 2020, 214 p. (in Russian)

7. Malkin O.YU. *Avtonomiya voli v kollizionnom regulirovanii nasledstvennyh otnoshenij* [Party autonomy in conflict of laws regulation of inheritance relations]. *Grazhdanskoe parvo* [Civil law], 2006, no. 4, pp. 27–29. (in Russian)

8. Nikolyukin S.V. *Avtonomiya voli storon i osobennosti prava primenimogo k chastnopravovym otnosheniyam oslozhnennyh inostrannym elementom* [Party autonomy and features of the law applicable to private law relations complicated by a foreign element]. *Notarius* [Notary], 2008, no. 6, pp. 33–37. (in Russian)

9. Rubanov A.A. "Avtonomiya voli" v mezhdunarodnom chastnom prave kak teoreticheskaya problema ["Party autonomy" in private international law as a theoretical problem]. *Sovetskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava, 1986* [Soviet Yearbook of International Law, 1986]. Moscow : Nauka Publ., 1987, pp. 214–228. (in Russian)

10. Trigubovich N.V. *Avtonomiya voli v mezhdunarodnom chastnom prave* [Party autonomy in private international law]. Cand. sci. diss. Moscow, 1999, 161 p. (in Russian)

11. Boele-Woelki K., Schrama W., Wendehorst Ch. *Empowering European Families: Towards more party autonomy in European Family and Secession Law*. 2019. 23 p. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4322610>

12. Buxbaum H.L. Determining the Territorial Scope of State Law in Interstate and International Conflicts: Comments on the Draft Restatement (Third) and on the Role of Party Autonomy. *Duke J. Comp. & Int'l L.*, 2016, vol. 27, pp. 381–403.

13. Dane P. *Party Autonomy and the Challenge of Choice of Law. Philosophical Foundations of Conflict of Laws*. Eds. R. Banu, M. Green, R. Michaels. Oxford University Press, 2022, 21 p. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4203960> (Date of access: 22.08.2024).

14. Johns F. Performing party autonomy. *Law and contemporary problems*, 2008, vol. 71, no. 3, pp. 243–271.

15. Limantè A., Vogrinc N.P. Party Autonomy in the Context of Jurisdictional and Choice of Law Rules of Matrimonial Property Regulation. *Baltic Journal of Law & Politics*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 135–158.

16. Mills A. Conceptualising Party Autonomy in Private International Law. *Revue critique de droit international privé*, 2019, vol. 19, no. 2, pp. 417–426.

17. Nagy C.I. What functions may party autonomy have in international family and succession law? An EU perspective. *Nederlands Internationaal Privaatrecht*, 2012, vol. 30, no. 4, pp. 576–586.

18. Peari S. Choice-of-Law in Family Law: Kant, Savigny and the Parties' Autonomy Principle. *Nederlands Internationaal Privaatrecht*, 2012, vol. 30, no. 4, pp. 597–604.

19. Wautelet P. *Party Autonomy in International Family Relationships: A Research Agenda*. 2015. 16 p. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2589980>

Статья поступила в редакцию 03.01.2024; одобрена после рецензирования 26.05.2024; принята к публикации 04.09.2024.

Received on 03.01.2024; approved on 26.05.2024; accepted for publication on 04.09.2024.

Москвитин Юрий Михайлович – аспирант, кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6), ORCID: 0009-0005-7771-8074, РИНЦ AuthorID: 1240936, e-mail: mister.moskvitin@yandex.ru

Moskvitin Yuriy Mikhailovich – Postgraduate, Department of Civil Law and Procedure and Private International Law, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (6, Miklouho-Maclay st., Moscow, 117198, Russian Federation), ORCID: 0009-0005-7771-8074, RSCI AuthorID: 1240936, e-mail: mister.moskvitin@yandex.ru